Вчера лишь кое-где на льду блестели лужицы, у берегов колыхалась темная с кружевцами пены вода да глубокие трещины рассекали реку вдоль и поперек. А сегодня начался настоящий ледоход. Река оживала на глазах. Она крушила, бросала в разные стороны зеленоватые, зазубренные по краям глыбы льда, ставила их на ребро, выворачивала из ледяного месива и швыряла в кипящие темные водовороты.

Кроме ледохода, Тима Самусь ничего не замечал. Он выбежал, забыв как следует зашнуровать ботинки, куртка осталась незастегнутой. Но всё это не имело ровно никакого значения. Главное — он увидел ледоход. Не так уж много найдется ребят, которым посчастливилось бы увидеть начало ледохода. Возможно, только он один увидит.

Впрочем, поглядеть может каждый, а вот проплыть, как… челюскинцы! Это, действительно, идея!

Тима осмотрелся: нет ли поблизости жерди? Жалко, нет, а то он попробовал бы. А кто это идет сюда? Ишь, как быстро! Да это же Света Ивченко. Почти ежедневно она ходит по берегу реки в булочную. Тима отвернулся, сделал вид, что не заметил ее. Отношения со Светой у него известные, собственно, никаких отношений быть не может. На то есть причины. Тима невольно вспомнил заседание совета отряда и ее выступление.

Подумаешь, какое дело! Он не признался, что задачу на контрольной переписал у Пети Коваля, которого, выходит, ни за что ни про что разрисовали в стенгазете: не подсказывай! А Свете Ивченко, наверное, хотелось, чтобы и он в газету попал. Нет, не будет этого. Как она сказала на совете отряда: "Это трус так поступает…".

Ну, и хорошо… Но все-таки обидно: неужели он хуже всех? Погоди, Светка, ты еще увидишь, кто такой Тима! И в классе еще пожалеют, что не понимали его.

Тима стоял на берегу и жадно глядел, как шумит, играет река. Он решил проплыть на льдине. Правда, страшновато, но зато Тима докажет, кто он такой. Света всё увидит, и тогда посмотрим, кто трус…

Нужен шест. Бежать домой — нет смысла: Света уйдет, а плыть, когда ее не будет, неинтересно. Он быстро обшарил кусты, ложбинки и почти у самого берега нашел втоптанную в землю длинную жердь. Взмахнул ею и, не раздумывая, прыгнул на льдину. Широкая, почти круглая, она чуть-чуть колыхнулась и, коснувшись одним краем берега, пошла дальше. На такой махине можно даже палатку раскинуть. Тима подбежал к одному краю, к другому, остановился на середине и, медленно переступив с ноги на ногу, попробовал — не покачнется ли льдина? Хорошо! От радости захотелось петь.

А Света задержалась на берегу. Тиме даже показалось, что он заметил, какие у нее глаза — огромные, черные и очень внимательные.

"Смотри, Света, поглядывай, — пело что-то в его груди. — Ты назвала меня трусом, ты еще пожалеешь!". Разве она удержится, чтобы не рассказать о сегодняшнем ледоходе Лене Ткаченко и еще кому-нибудь? И, несомненно, все в классе будут знать о его подвиге. И, кто знает, может быть, в газете "Отличник" напишут примерно так: "Тима Самусь, ученик шестого класса "А", плыл, нет, дрейфовал — именно дрейфовал, как когда-то челюскинцы, на льдине…".

Что потом скажет вожатая? И Света и Лена? Их бы сюда, на льдину!

Тима и впрямь начинает думать, что очень похож на челюскинца. На нем черная куртка, цигейковая шапка, вот только вместо ботинок, хотя они и на толстой подошве, лучше бы надеть сапоги…

Плавно, слегка покачиваясь, двигалась льдина. Тима понемногу отдалялся от берега. Мимо проплывали деревья, обнаженные и присмиревшие, ни одна веточка на них не шевелилась. Вот и камень-валун, с которого летом очень удобно прыгать в воду, старая верба, нависшая над самой рекой.

Тима на всякий случай попытался палкой измерить глубину — дна не достать.

А Света не уходила. Захотелось крикнуть что-нибудь озорное, но сдержался. Пусть Ивченко думает, что плыть на льдине для него сущие пустяки. Пусть смотрит и знает, кто такой Тима Самусь.

Света тем временем распахнула свое синее пальто с желтым мехом понизу. Ей, видно, жарко. Взялась за концы шарфа. Так она делала, когда выступала на заседании совета отряда. Что с ней? Неужели волнуется?..

Тима оттолкнулся от ледяной глыбы с потемневшей шапкой снега — и снова оказался у самого берега. Однако вскоре Тимину льдину отнесло от берега и неудержимо повлекло на середину реки.

Почему течение стало сильнее, он не знал. Тима не замечал, что льдина приближается к мосту. Он смотрел теперь только на берег.

Тимина льдина, коснувшись проплывавшей мимо ледяной глыбы, сделала крутой крен, послышался треск. Тима едва успел отскочить в сторону на маленький ледяной пятачок. Медленно, угрожающе поблескивая острыми зернистыми краями, большая часть льдины, казавшаяся такой надежной, отплывала в сторону. Насмерть перепуганный "челюскинец" взмахнул жердью и… выронил ее.

А вокруг шумели, пенились волны, брызги плескали в лицо.

Забрызганная водой куртка обвисла. Цигейковая шапка съехала на затылок.

Обломок льдины, на котором стоял мальчик, несся к мосту. Ледяное крошево также стремилось под мост и дальше — на речной простор. Когда Тима, наконец, понял, что его ожидает, он испугался, невольно шагнул назад и чуть не упал в мутный водяной поток.

— Тимка, держись! — услышал он. Света не просила, она требовала. Тимка послушно повернулся к Свете.

Света же, оставив на берегу сумку, с силой пригнула большую ветку ивняка и сломила ее. Потом быстро побежала вдоль берега, выбирая место, откуда лучше прыгнуть. Вот она остановилась, перед нею оказалась полынья, отделявшая берег от длинной полосы льда, еще не успевшего оторваться от берега. Света подумала секунду-другую и прыгнула. Конечно, уцелевшая полоска льда могла оторваться каждую минуту, но девочка об этом не думала. Она видела, как Тима уронил жердь, как он чуть не упал в воду. Она видела, что мост приближается, и понимала, чем может кончиться Тимкино плавание. Нельзя допустить, чтобы он плыл туда! Нужно перехватить.

"Скорее... скорее!.."— подгоняла себя Света и бежала по скользящей поверхности, чувствуя, как подозрительно потрескивает лед под ботинками.

Вот и Тима!.. На мгновение взгляды их встретились. В глазах Тимы — испуг и трепетная надежда, у Светы — злое нетерпение.

Их разделяет небольшая полоса темной воды — не больше двух метров.

— Держи!.. — Света протянула ветку.

Ветка оказалась короткой. Достать ее Тима не мог. Бледный, испуганный, с подгибающимися коленями, он смотрел на Свету, боясь взглянуть вниз, под ноги. Как бы он теперь хотел быть на берегу, не чувствовать под собой зыбкой льдины!..

Невольно, сам того не замечая, он протягивал руки. Света шла вдоль полыньи. Она почувствовала на щеке мягкую шерсть шарфа и заторопилась. Ну, конечно! Как она раньше об этом не догадалась? Как раз на одном конце ветки есть небольшой сук, за него можно привязать шарф. Не раздумывая больше, так и сделала.

— Тима!

Самусь поднялся на носки, но в это время льдину отнесло немного в сторону и он снова не достал ветки.

— Эх, ты!.. Еще раз!.. Ну!..

На этот раз Тиме удалось схватить ветку обеими руками.

Света облегченно вздохнула.

В этот миг она не сердилась на Тиму, который ссорился с ней, и невольно подумала, что его маленькие испуганные глаза, прилипшие к вискам волосы не такие смешные, какими казались.

— Крепче держи, — сказала Света, и изо всех сил тащила к себе привязанный к ветке шарф. Расстояние между льдинами заметно уменьшалось.

— Я прыгну, — сказал Тима, губы его едва шевельнулись, будто обмороженные. Света испуганно крикнула: "Нет!". Теперь она боялась за него больше, чем раньше: вдруг не удержится, поскользнется,

упадет! Вот тут она, действительно, испугалась. Впрочем, она никогда и не считала себя смелой…

Лишь когда Тимина льдина коснулась полосы льда, на которой была Света, он переступил со своей льдины и стал рядом с девочкой. Потом они побежали: она — легко, быстро, а он — хлюпая полными ботинками воды. Уже на берегу Тима споткнулся и упал, но тотчас поднялся, отряхнулся, испытующе посмотрел на Свету и вдруг спросил:

— Теперь… скажешь?

— О чем ты?

— Ну, как я… плавал.

— А, ты вон о чем!.. Ну, и придумал. Беги-ка лучше домой, герой.

— А… не расскажешь?

Света досадливо махнула рукой и, не оглядываясь, на ходу закутывая шею шарфом и застегивая пальто, побежала вверх по течению к тому месту, где осталась сумка…

В школе никто не знал бы о случившемся на реке, если бы сам Тима не проболтался. Сгорая от нетерпения, он столько наговорил Пете Ковалю о своем дрейфе на льдине! И добавил даже, что во время ледохода спас Свету Ивченко.

Ребята, конечно, спросили Свету, как это она попала в ледоход на речку и каким образом Тима Самусь спас ее.

— Меня? Самусь?.. — Света не знала, что ответить, но заметив, как пунцово вспыхнули уши Тимы, сказала: — Очень просто, спас и всё.

Самусь растерялся и там же, при всех, на школьном дворе сказал:

— Нет, это… это она меня спасла… Я наврал.